

М. : Наука, 1968. – Ч. II. – 344 с. **4. Пешковский А. М.** Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. – Изд. 7-е. – М. : Наука, 1956. – 511 с. **5. Русская** грамматика. – Т. II : Синтаксис. – М. : Наука, 1980. – 709 с. **6 Шмелёв Д. Н.** Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке / Д. Н. Шмелёв. – М. : Наука, 1976. – 150 с.

Висвітлюється питання про словосполучення та синтагму, їх природу, сутність, сферу функціонування та призначення. Дається критична оцінка науковим поглядам на проблему словосполучення в українській, російській та інших мовах. Набувають подальшого розвитку тези акад. Л. В. Щерби щодо проблеми синтагми.

Ключові слова: мова, мовлення, одиниці мови, одиниці мовлення, словосполучення, синтагма, функції.

Освещается вопрос о природе, сущности и сфере функционирования словосочетания и синтагмы. На материале русского, украинского и некоторых других языков дана критическая оценка существующим точкам зрения на проблему словосочетания. Развиваются мысли акад. Л. В. Щербы о синтагме.

Ключевые слова: язык, речь, единицы языка, единицы речи, словосочетание, синтагма, функции.

The issue of word-combination and syntagma essence, their functioning field and purpose is highlighted. The critical point of view to different scientific opinions on the word-combination problem is presented on examples of Ukrainian, Russian and other languages. Academician Shcherba's ideas about syntagma are developed further.

Keywords: language, speech, language units, speech units, word-combination, syntagma, functions.

Стаття надійшла до редакції 30.10.2013 р.

Прийнято до друку 23.11.2013 р.

Рецензент – д.філол.н., проф. Панасенко Н. І.

УДК 811.16:800

Л. М. Цонева

СЛАВЯНСКИЕ ЛИЧНЫЕ ИМЕНА В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Изучение языков в аспекте межкультурной коммуникации, понимаемой как взаимодействие носителей разных языков и культур, требует специального внимания к единицам языка, в которых очень ярко проявляется этнолингвистическое (национальная история и культура, национальные мифы, быт народа и т. д.) и экстралингвистическое (прежде всего изменения в социально-экономических условиях жизни). К ним бесспорно относятся собственные имена вообще (СИ) и в частности личные имена (ЛИ).

ЛИ – важнейшее звено, которое связывает людей с их непосредственным окружением и с обществом вообще, поскольку человек живет не просто среди других людей, а также среди имен, создающих вокруг него специфическое национально-культурное пространство [1, с. 145]. Имена, как подчеркивает Р. Якобсон, относятся к первым словам, которые человек усваивает, а также к последним, которые он теряет при афатических расстройствах речи [2, с. 145]. Добавим к этому, что ЛИ можно отнести также к первым словам, которые человек усваивает в иноязычной среде.

Исследование “жизни” ЛИ в межкультурном общении становится все

актуальнее в первую очередь в связи с тем, что в последние годы многие люди попадают (по причинам разного характера) в иноязычную и инокультурную среду. Так, по некоторым данным, почти 200 миллионов человек ежегодно отправляются на заработки в развитые страны, 60 миллионов из них – в страны Евросоюза (газ. «Монитор» от 17 июля 2009 г.). Многие эмигранты попадают в чужую страну без знания языка, нередко рассчитывая на невербальные средства коммуникации. Отметим однако, что ЛИ относятся к словам, которые невозможно выразить невербально. Важно, на наш взгляд, и то, что среди эмигрантов не только молодые люди, но и люди с солидным запасом лингвокультурных знаний (в том числе знаний о ЛИ), которым сложнее вписаться в новую среду. (В подобных случаях болгары вспоминают рассказ известного болгарского писателя Николая Хайтова «Дерево без корней» о старике из горной деревни, вынужденном жить в чужой для него, в том числе и в отношении языка, городской среде.)

В рамках рассматриваемой темы можно, на наш взгляд, наметить два круга вопросов. В данной работе обратим внимание только на круг вопросов, связанных с переносом славянских имен (точнее – имен представителей славянских национальностей, прежде всего болгар, русских и украинцев) в новую лингвистическую и культурную среду. Это важные вопросы, исключительно актуальные прежде всего в устном разговорном общении, где ЛИ, как можно предположить, являются обязательным элементом любой, даже самой элементарной коммуникативной ситуации, поскольку обозначают субъект и объект речи.

Славянские личные имена (СЛИ), попадая в новое лингвокультурное окружение, неизбежно подвергаются фонетической, грамматической и функциональной адаптации, а референт сталкивается с новым восприятием своего имени и новым отношением к нему; более того, иногда отношение к референту зависит напрямую от восприятия его имени. Поэтому можно сказать, что в неславянском окружении СЛИ и их носителей «подстерегают» самые неожиданные ситуации, причем разные в разных странах.

Как известно, антропонимическая система каждого языка формируется в ходе вековой эволюции, имеет свою специфику и по-разному отражает мир и место человека в нем. Антропонимические системы отдельных славянских языков, обладая некоторыми общими элементами, отличаются друг от друга, а также от антропонимических систем большинства современных европейских языков. Каждая из них имеет интересную историю и включает «старые» имена из общих источников (древнеболгарские, древнеславянские, тюркские, древнееврейские, греческие и латинские), а также имена, возникшие в конкретном славянском языке или заимствованные им в более поздние периоды.

СЛИ, как и ЛИ вообще, несут богатую информацию об их носителе: об этнической принадлежности (например, *Иван* – репрезентативное имя, типичное имя русского), о социально-общественном статусе (например, болг. *Гуна*, *Цаньо* воспринимаются как устаревшие или «деревенские», простонародные), о половой принадлежности (например, *Ваня*, *Петя*, *Валя*, *Саша* для болгар – полные женские имена, для русских *Ваня*, *Петя* – гипокористические формы мужских имен, а *Валя*, *Саша* – гипокористические формы женских и мужских имен) и т. д. Существенная часть этой информации чаще всего остается скрытой для иностранцев из-за отсутствия у них фоновых знаний об этих антропонимах.

Внимания заслуживает и звуковой образ антропонимов и особенности его восприятия. Интерес в этом плане представляют описанные В. И. Супруном варианты оценки русских имен в родной среде как благозвучных/неблагозвучных, звонких, добрых, красивых, радостных, злых, смешных и т. д. [3, с. 36 – 51]. Естественно, многие славянские имена звучат для иностранцев по-другому, часто – необычно и странно, вследствие чего их нередко воспринимают и произносят неправильно. Отметим здесь, что люди вообще очень чувствительны к своему имени, поэтому любое

его искажение (невольное и тем более намеренное) вызывает у референта негативную реакцию. Это можно отнести и к славянским фамилиям, в том числе к фамилиям известных людей, например, политиков (*Първанов, Черномырдин, Ющенко*) или спортсменов (*Стоичков, Кафельников, Шевченко*), которые отличаются частотностью употребления как в разговорном, так и в официальном общении.

Определенную трудность для иностранцев представляет использование формулы *имя + отчество*. Эта уникальная формула имеет национально-культурную окраску и разнообразные этикетные и стилистические функции и чаще всего используется русскими и украинцами как знак уважения и почитания (рус. *Петр Дмитриевич, Елена Борисовна*, укр. *Петро Дмитрович, Олена Борисівна*).

Специального внимания заслуживают СЛИ с прозрачной семантикой (омонимичные с нарицательными или производные от них) – они, как правило, остаются неясными для европейцев. Таких имен, как известно, много в славянских языках и прежде всего в болгарском (болг. *Капка, Явор, Радост, Орлин, Невена, Снежана, Мила*; рус. *Лев, Вера, Надежда, Любовь, Светлана*; ср. также серб. *Славко, Сречко, Вук*). Об «изумительной красоте» имен средневековых болгар пишет болгарский историк И. Петрински: «Понякога ти се струва, че само те са достатъчни, за да бъде почувствана и разбрана епохата – жените са красиви и добри (Белослава, Ведра, Дивна, Добриня, Искра, Калина, Красна, Модра – синеока, Хуба), мъжете – смели (Братослав, Воин, Владец, Дворко, Деян, Добрец, Огнен, Парлиг, Рад, Радан, Хранислав, Храбро, Чръноглав), владетелите – с тържествени и благородни имена» [4].

Специального внимания заслуживают и типичные для славянских языков сложные имена (*Владимир – Володимир, Боголюб, Добромир, Станислав* и т. д.), содержащие компоненты *бог-, влад-, -мир-, -слав-* и т. д. с ясной семантикой, неизвестной, как правило, для носителей других языков. Отметим в связи с этим работу Б. Боровчака, в которой он подвергает интересному анализу двучленные имена, чьи лексические составляющие дают важную информацию о культуре и системе ценностей предков славян. Автор призывает к возрождению и спасению этих имен от исчезновения в результате акультурации [5].

Кроме того, из-за отсутствия фоновых знаний (исторических, литературных, культурных) почти всегда теряется коннотативный заряд ЛИ [6]. Ср., например, ЛИ, совпадающие с прецедентными именами (болг. *Левски, Вазов*; рус. *Пушкин, Сусанин, Кутузов*; укр. *Хмельницкий, Шевченко* и т. д.), имена литературных персонажей (болг. *Ния*; рус. *Аксинья*; укр. *Роксолана*), имена с идеологическим «наполнением» (болг. *Сталинка*; рус. *Октябрина* и др.)

К антропонимам с ясной семантикой следует отнести и важную часть славянского ономастикона – фамилии. Хорошо известно, что фамилии несут важную информацию о топонимах, профессиях, чертах внешности или характера их носителя или его предков и являются ценными памятниками истории и культуры страны, а также семейной истории и культуры. Таких фамилий, чаще всего непонятных в иноязычной среде, огромное множество (болг. *Троянски, Балкански, Ковачев, Колимечков, Дудевски* и т. д.; рус. *Елецкий, Журавлев, Кузнецов, Милославский, Головастиков* и т. д.; укр. *Бондаренко, Коваль, Гоголь, Староконь* и т. д.).

Правда, наряду с этим можно предположить, что непонимание семантики и коннотации антропонимов может оказаться и благоприятным для их носителей, которые в родной языковой среде сталкиваются с проблемами их восприятия как смешных, неблагозвучных или неприличных (ср. болг. *Грудка, Фиданка, Газибаров, Дупалов*; рус. *Фекла, Воробей, Сопля* и т. д.). Особо следует отметить украинские фамилии, среди которых много звучащих по крайней мере смешно, ставших предметом не только анекдотов, но и активного обсуждения в газетах и электронных форумах (*Сало, Рыло, Непийвода, Незовибатько, Кривонога, Сивокобыленко* и т. д.). Приведем здесь слова В. Ганжара: «Среди украинских фамилий много с мягким, добрым уклоном

и наоборот – острых, отмеченных колкостью, что свидетельствует о большом уме, высокой морали и мягком украинском юморе. И все это дало такие широкие возможности в многообразии фамилий. Это вам не Швеция, где не знают, что делать с Петерсонами...» [7].

Меняется система обращений – все активнее используется в принципе недопустимое в речевом этикете русских, болгар и украинцев обращение только по имени к людям старше по возрасту и социальному статусу, как это принято во многих европейских странах. Все реже используется и звательная форма ЛИ как обращение (болг. *Иване, Милке* и т. д. – правда, все более редкие и в современном болгарском языке; укр. *Марусю, Миколо, Маріе Ивановно* и т. д.). В связи с этим можно обратить внимание на работу В. И. Супруна об особенностях славянского вокатива [8].

Естественно, в новой среде сводится к минимуму образование и использование уменьшительно-ласкательных форм СЛИ (болг. *Гошо, Иванчо, Ленче*; рус. *Володя, Коля, Лена*; укр. *Мари́ка, Оксаночка* и т. д.). Непонятными остаются различия между такими формами (ср. болг. *Иванчо – Ваньо*; рус. *Володя – Вовка* и т. д.). Полностью исчезают и характерные для болгарской разговорной речи краткие формы с определенным артиклем (*Ленчето, Ванката* и т. д.). Непонимание (и тем более постепенная утрата) в инокультурной среде кратких гипокористических форм имеют особую важность, как нам кажется, для русского языка, где они используются исключительно активно и вне устного общения в семейной среде, например, в публицистическом стиле – в газетных интервью, телепередачах разного жанра и т. д.

К важнейшим особенностям использования ЛИ в иноязычной и инокультурной среде, на наш взгляд, можно отнести то, что в ней полностью теряется их игровой потенциал. Основная (хотя и не единственная) функция языковой игры в разговорном стиле, в том числе с ЛИ – комическая; игровые формы используются, чтобы вызвать улыбку, смех, разрядить обстановку, подчеркнуть близость между собеседниками [9 – 11]. Поэтому в разговорном общении исключительно активно использование различных форм языковой игры, в том числе форм, «эксплуатирующих» богатейший ассоциативный потенциал СЛИ. Естественно, использование форм языковой игры возможно или в изначальной языковой среде, или при очень хорошем владении иностранным языком, поскольку двуязычные игры, которые в принципе возможны в межкультурном общении, требуют высокой лингвистической компетенции и субъекта, и адресата речи.

К естественным и в какой-то мере обязательным в разговорном общении «именным» играм следует отнести, например, рифмовки-созвучия, фонетические деформации, прием «фокус-покус», отонимные окказионализмы, каламбуры, основанные на омонимии или паронимии ЛИ и других слов, а также на этимологии ЛИ, в том числе ложной этимологии и т. д. Характерно для разговорного общения и использование ЛИ в метафорическом значении (болг.: *Ето го нашия Марко Тотев – пак не му провървя!*; рус. *Да у нас просто Кулибин растет, посмотри, какую машинку смастерил!*). Отсутствие различных форм языковой игры неизбежно обедняет общение, лишая его живой непринужденности.

Этим, разумеется, не ограничиваются особенности использования СЛИ в чужой для них среде. Но даже такой беглый их перечень позволяет сказать, что в подобных условиях теряется то, что можно определить как «память культуры» (Ю. М. Лотман) – богатейший коннотативный потенциал личного имени, раскрывающийся полностью в изначальной языковой среде, теряются и волшебные свойства или, по-другому – магия, аура имени как неотъемлемой части личности.

Во второй круг можно отнести вопросы, связанные с именовани^{ем} (наречением) детей в славянских или межнациональных семьях, родившихся в «чужой» среде, а также с формированием полного имени (антропонимической или именной формулы) таких детей. Это вопросы не менее важные, поскольку, как хорошо известно, таких

детей становится все больше – отметим, например, что за пределами Болгарии родились 104000 детей болгарских граждан (газ. «Монитор» от 17 июля 2009 г.).

Некоторые стороны этих вопросов уже были предметом анализа в другой нашей работе [12], и этот анализ позволил прийти к двум важным выводам: 1) СЛИ постепенно (и притом быстрее, чем хотелось бы) вытесняются именами, типичными для других стран; 2) при образовании именной формулы по законам других стран теряются очень важные компоненты славянской антропонимической формулы: не только отчество, но и фамилия – наследуемое (чаще всего от отца) официальное наименование, указание на принадлежность человека к определенному роду, передающееся из поколения в поколение. И если сегодня можно говорить о периоде формирования именной формулы из разноязычных элементов, т. е. о периоде одновременного употребления своего и чужого, то уже в следующем поколении картина видится еще более безрадостной, поскольку в именной формуле будут участвовать в основном иноязычные элементы. Именно здесь уместно, как нам кажется, обратиться к сказанному В. Казариным о «законе тигля», согласно которому национальная идентичность человека (важной составляющей которой является его имя) полностью теряется в рамках всего четырех поколений [13]. Все это в конечном счете приводит не только к обеднению славянского ономастикона, но и к унификации европейского ономастикона, к стиранию важных и ценных национальных различий в нем.

Затронутые в работе вопросы, касающиеся личных имен как лингвокультурного феномена, обладающего сложной смысловой структурой и богатой культурной символикой, являются частью исключительно актуальной многоаспектной темы о судьбе национальных языков в свете интеграции и глобализации, которая требует научных усилий исследователей из разных стран.

Литература

- 1. Рылов Ю. А.** Аспекты языковой картины мира: итальянский и русский языки / Ю. А. Рылов. – М. : Гнозис, 2006. – 304 с.
- 2. Рылов Ю. А.** Аспекты языковой картины мира: итальянский и русский языки / Ю. А. Рылов. – М. : Гнозис, 2006. – 304 с.
- 3. Петрински И.** Личните имена може да са част и от националната сигурност / И. Петрински // Сега. – 2009. – 8 янв. г.
- 4. Супрун В. И.** Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал / В. И. Супрун. – Волгоград, 2000.
- 5. Боровчак Б.** Двучленные славянские имена [Электронный ресурс] / Б. Боровчак. – Режим доступа : gumer.info.
- 6. Отин Е. С.** Словарь коннотативных собственных имен / Е. С. Отин. – М. – Донецк, 2006.
- 7. Ганжар В.** Наши украинские фамилии [Электронный ресурс] / В. Ганжар. – Режим доступа : proza.ru.
- 8. Супрун В. И.** Антропонимы в вокативном употреблении [Электронный ресурс] / В. И. Супрун // Изв. Урал. гос. ун-та. Гуманит. науки. – Вып. 4 : Аспекты ономастических исследований. – 2001. – № 20. – Режим доступа : proceedings.usu.ru.
- 9. Земская Е. А.** Русская разговорная речь / Е. А. Земская. – М. : Рус. яз., 1983. – 240 с.
- 10. Санников В. З.** Русский язык в зеркале языковой игры / В. З. Санников. – М. : Языки рус. культуры, 1999. – 544 с.
- 11. Цонева Л.** Езиковата игра в съвременната публицистика / Л. Цонева. – Велико Търново : Faber, 2002. – 176 с.
- 12. Цонева Л.** Славянские личные имена в неславянском окружении / Л. Цонева // Изучаване словенских језика, книжевности и култура као инословенских и страних. – Београд, 2008. – С. 362 – 367.
- 13. Казарин В.** Вавилонская башня NEW. Глобализация и языковое разнообразие современного мира / В. Казарин // Лит. газ. – 2003. – № 14. – С. 7.

Затронуті в статті питання щодо власних імен як лінгвокультурного феномена, що мають складну за значенням структуру й багату культурну символіку, є частиною актуальної багатоаспектної теми про долю національних мов у світлі інтеграції та глобалізації, яка

потребує наукових зусиль дослідників із різних країн.

Ключові слова: слов'янські власні імена, лінгвокультурний феномен, міжкультурна комунікація, лінгвістична компетенція.

Затронутые в работе вопросы, касающиеся личных имен как лингвокультурного феномена, обладающего сложной смысловой структурой и богатой культурной символикой, являются частью исключительно актуальной многоаспектной темы о судьбе национальных языков в свете интеграции и глобализации, которая требует научных усилий исследователей из разных стран.

Ключевые слова: славянские личные имена, лингвокультурный феномен, межкультурная коммуникация, лингвистическая компетенция.

In the article are considered questions, concerning personal names as the linguistics and cultural phenomenon, possessing complex semantic structure and rich cultural symbology, are part of solely actual and manyaspects of the subject about fate of the national languages in light of the integrations and globalization, which requires the scientific effort of the researchers from different countries.

The keywords: slavonic personal name, linguistics and cultural phenomenon, cross-cultural communication, linguistical competency.

Стаття надійшла до редакції 15.11.2013 р.

Прийнято до друку 23.11.2013 р.

Рецензент – д.філол.н., проф. Зайцева І. П.

УДК 811.111:81'25

К. А. Шапочка

ЗАГАЛЬНИЙ І СПЕЦІАЛЬНИЙ СЛЕНГ У СИСТЕМІ СУБСТАНДАРТНОЇ ЛЕКСИКИ

Наразі в умовах тотальної демократизації світового співтовариства відбуваються невідворотні процеси на кшталт суспільних зрушень та виокремлення асоціальних маргінальних елементів. Література віддзеркалює навколишній світ, миттєво реагуючи на будь-які зрушення без виключення. Під маргінальними елементами слід розуміти будь-які екстремістські, сепаративні злочинні угруповання. Аксиомою є той факт, що представники подібних структур мають особливий кодекс відносин із поліцією, що змушує їх застосовувати особливу шифровану систему комунікації, що у соціолінгвістиці дістала назву жаргону або арго.

Лінгвісти відзначають, що тенденція переходу арго у загальний, загальнозрозумілий сленг, набирає обороти. Тим не менш більшість арготизмів залишаються втаємниченими, – тож потребують коректної вичерпної інтерпретації та перекладу в літературних творах. Таким чином, актуальність дослідження мови арго, а також способів перекладу арготизмів на основі всесвітньо відомих літературних шедеврів залишається дуже високою.

Такі видатні вчені, науковці, автори наукових праць та монографій, як Г. Б. Антрушина, І. В. Арнольд, О. В. Афанасьєва, А. К. Бабіна, В. В. Балабін, В. Г. Вілюман, С. Влахов, І. Р. Гальперін, М. А. Грачов, В. Єлістратов, В. М. Жирмунський, Т. Ілік, І. В. Корунець, А. Т. Ліпатов, Л. К. Латішев, Д. С. Ліхачов, Н. Н. Морозова, Л. І. Скворцов, Г. Д. Томахин, С. Флорин, В. А. Хом'яков, О. Д. Чередниченко займались дослідженням походження терміну арго, вивчали особливості розвитку і функціонування «соціального різновиду мовлення», своєрідного мовного коду.